

Научная статья

УДК 81'23

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.13401>

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ «НОВОЙ ИСКРЕННОСТИ» И ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

М.А. Гладко

Минский государственный лингвистический университет,
Минск, Республика Беларусь

 glad_26@tut.by

Аннотация. В статье осмысляется проблема лингвистических особенностей внедрения «новой искренности» и чувствительности в коммуникативное пространство телерадиовещания. Сформировавшиеся в искусстве и литературе, эти направления все более активно проникают в медиасферу. Цель статьи заключается в выявлении специфики жанровой, тематической макроструктурной репрезентации «новой искренности» и чувствительности в коммуникативном пространстве информационного, аналитического и познавательного теле- и радиодискурса. Материалом исследования послужили 300 радиопередач и 400 телепрограмм, транслируемых на белорусском радио в период 2015–2022 гг. Корпус исследуемых текстов представлен информативными и информационно-аналитическими жанрами. Установлено, что направления «новая искренность» и чувствительность расширяют и модифицируют жанровую конфигурацию и тематический спектр медиадискурса. Диалогические жанры (интервью, беседа) становятся коммуникативным инструментом, который предлагает аудитории готовые шаблоны восприятия и переживания травмирующих профессиональных и жизненных событий. Телевидение и радиовещание создают коммуникативное пространство особой чувствительности, которая становится коммуникативным паттерном. В рамках предметно-тематического поля оказываются травмы, зависимости, внутренний мир и переживания человека. Показано, что структурно-содержательная схема информационно-познавательных телевизионных текстов фиксирует спектр событий прошлого в нарративах участников, очевидцев событий, представляющих культурную травму, с фокусом на освещение травмирующего опыта и эмоциональных переживаний. Воссоздание исторического прошлого и настоящего нацелено не столько на точное описание контекста события, сколько на чувство, формирование эмоциональной атмосферы. Выявлено, что в кризисный период в медиакommunikации активизируются концепты «новой искренности»: «публичная откровенность», «честность», «чувствительность», получающие манифестацию в гетеронимах, трансформации информационно-аналитических жанров (жанры обзор, комментарий модифицируются в жанр разоблачение), категории автора (ведущими становятся не журналисты), тактике личной истории. Насыщенность медиатекстов эмоционально, личностно ориентированными темами и концептами приводит к изменению статуса искренности и чувствительности с периферийных феноменов на дискурсообразующие.

Ключевые слова: теледискурс, радиодискурс, новая искренность, чувствительность, жанр, макроструктура текста.

Для цитирования: Гладко М.А. Лингвистическая репрезентация «новой искренности» и чувствительности в медиапространстве // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 4. С. 7–21. DOI: 10.18721/JHSS.13401

LINGUISTIC REPRESENTATION OF “NEW SINCERITY” AND SENSITIVITY IN MEDIA SPACE

M.A. Gladko

Minsk State Linguistic University,
Minsk, Republic of Belarus

 glad_26@tut.by

Abstract. The article deals with linguistic features of “new sincerity” and sensitivity in the communicative space of television and radio. Formed in art and literature, these trends are increasingly penetrating the media sphere. The purpose of the article is to identify the specifics of genre and thematic, macrostructural representation of “new sincerity” and sensitivity in the communicative space of informational, analytical and science documentaries of TV and radio discourse. The material of the study is 300 radio programs and 400 TV programs broadcast on Belarusian radio in the period of 2015–2022. The corpus of the studied texts is represented by informative and information-analytical genres. It has been established that the directions of “new sincerity” and sensitivity expand and modify the genre configuration and thematic spectrum of media discourse. Dialogical genres (interviews, conversation) become a communicative tool that offers audience ready-made patterns for the perception and experience of traumatic professional and life events. Television and radio create a communicative space of special sensitivity, which becomes a communicative pattern. Within the framework of the subject-thematic field are injuries, addictions, the inner world and human experiences. It is shown that the structural and content scheme of informative and science documentaries texts captures the spectrum of past events in the narratives of participants, eyewitnesses of events representing cultural trauma with a focus on traumatic experiences and emotional experiences. The reconstruction of the historical past and present is aimed not so much at an accurate description of the context of the event, but at empathy and the formation of an emotional atmosphere. It was revealed that during the crisis period the concepts of “new sincerity” are activated in media communication: “public frankness”, “honesty”, “sensitivity”. They are manifested in heteronyms, transformations of information and analytical genres (the genres of review, commentary are modified into the genre of exposure), the category of “the author” (hosts are not journalists) and the communicative tactic of personal history. The saturation of media texts with emotionally, personally oriented topics and concepts leads to a change in the status of sincerity and sensitivity from peripheral phenomena to discourse-forming ones.

Keywords: television discourse, radio discourse, new sincerity, sensitivity, genre, text macrostructure.

Citation: M.A. Gladko, Linguistic representation of “new sincerity” and sensitivity in media space, *Terra Linguistica*, 13 (4) (2022) 7–21. DOI: 10.18721/JHSS.13401

Введение

Развитие коммуникативных технологий в медиасфере демонстрирует и обостряет ряд значимых тенденций. Некоторыми из таких тенденций стали демонстрация повышенной чувствительности к личным и чужим переживаниям, окружающей среде, получившей номинацию «новая чувствительность», а также публичная откровенность, открытое выражение эмоций или «новая искренность». На первый взгляд, чувствительность и искренность сложно считать абсолютно новыми, учитывая тот факт, что базу семиотики и этики коммуникативного поведения составляют установки соблюдения правдивости и искренности в выражении и разделении взглядов, а эмоциональная чувствительность, эмоции заложены в качестве основы человеческого взаимодействия и общения [23, с. 589]. Однако в медиапространстве формируется новая аксиосфера, в которой смещаются границы личного и публичного. Естественной становится ситуация, когда человек открыто выражает свои чувства, переживания, «свою правду» не только в бытовом, но и инсти-

туциональном общении [4, с. 147], в медиапространстве. В коммуникативном пространстве телерадиовещания эмоции, искренность из свойств общения трансформируются в особые коммуникативные инструменты, коммуникативные стратегии, призванные оказывать прагматическое воздействие. Будучи изначально актуальными явлениями в современной культуре, искусстве, политике и т. д., «новая искренность» и чувствительность активно проникают в медиасферу, особым образом конструируя его. Их исследование важно для осмысления того, как конструируются медиа сообщения, какие прагматические установки направлены на обеспечение глубинного смысла высказывания или медиатекста. Цель статьи состоит в выявлении особенностей репрезентации «новой искренности» и чувствительности в коммуникативном пространстве информационного и познавательного теле- и радиодискурса.

Материалом исследования послужили 300 радиопередач и 400 телепрограмм, транслируемых на белорусском радио в период 2015–2022 гг. Корпус исследуемых текстов представлен информативными и информационно-аналитическими жанрами. Использовались индуктивный метод, включающий наблюдение, анализ, сопоставление и классификацию языковых фактов, а также метод контекстуального анализа, семантического анализа, дискурсивного и лингво-прагматического анализа.

Новая искренность и чувствительность как объект изучения

Феномен «новой искренности» зародился как особое направление в литературе, кинематографе и музыке в качестве ответной реакции, демонстрирующей усталость от иронии и сарказма постмодернизма [17, с. 9–10, 18, 22]. Статус данного понятия до настоящего времени не определен, что показывает использование кавычек. «Новая искренность» трактуется как направление, движение, течение, феномен и т.д. [3, 5, 6, 18]. Развиваясь одновременно в различных сферах культуры, «новая искренность» стала одним из значимых трендов¹ и особой технологией общения с публикой/аудиторией в странах Запада, а также в России и Беларуси. Искренность имеет интимный характер, эксплицирует индивидуальные представления об откровенности, о переживании и воспоминаниях [5, с. 98]. Целью «новой искренности» является установление баланса и гармонии в жизни. Она сочетает в себе осознание пустоты современной жизни с ее «противоядием» – человеческое взаимодействие, эмпатия, забота, внимание к внутреннему миру другого [20].

Исследователи определяют основную суть течения – демонстрация человеческих ценностей: дружбы, любви, верности, заботы и т.д.² Современная действительность призывает общество не бояться своей уязвимости, быть искренним, человечным, открытым и эмпатичным [3, 18].

Один из основоположников «новой искренности» в российском пространстве Д.А. Пригов писал: «В пределах утвердившейся современной тотальной конвенциональности языков искусство обращения преимущественно к традиционно сложившемуся лирико-исповедальному дискурсу и может быть названо “новой искренностью”», цит. по [7, с. 64–65]. В массовой коммуникации особое распространение направление получило в интернете, реализуясь в историях (микро-нарративах) о личных проблемах, переживаниях или недугах. Публичное обсуждение личных проблем и историй стало трендом, формирующим комфортное пространство для самовыражения³.

Выражение «новая искренность» породило некоторые производные, одно из которых «новая чувствительность»⁴, возникновение которой во многом детерминировано усилением роли впечатлений, эмоций в различных сферах жизни. Обратив внимание на коммерциализацию эмоциональной жизни человека, немецкий социолог Г. Шульце обосновал концепцию «общества пере-

¹ Эпштейн М. О новой сентиментальности. URL: https://www.emory.edu/INTELNET/es_new_sentimentality.html (дата обращения: 16.12.2022).

² Савчук В. Возвращение определенности // Moscow Art Magazine. 2017. № 101. <http://moscowartmagazine.com/issue/55/article/1111> (дата обращения: 11.06.2022).

³ Балабанова К. Новая искренность. URL: <http://hsepress.ru/articles/2020-12-10/novaya-iskrennost> (дата обращения: 10.12.2022).

⁴ Фрумкин К. Проблема искренности. URL: <https://syg.ma/@konstantin-frumkin/probiema-iskriennosti> (дата обращения: 16.12.2022).

живаний/впечатлений». Основной тезис концепции строится на утверждении о переориентации с внешней составляющей на обращение к миру внутренних переживаний человека [19, с. 68]. Человек стремится быть понятым, его наполненная эмоциями жизнь ищет отклика-понимания, а эмоции предстают в качестве источника «насыщения» индивидуального бытия. В коллективных переживаниях аутентичные собственному бытию эмоции еще более интенсифицируются. Поэтому современному человеку свойственно искать людей (коллективы), «подобным образом эмоционально переживающих бытие» [6].

Как показывают исследования, эксплицитные и имплицитные средства эмоциональности обнаруживаются и расширяют свой функциональный спектр в различных социальных сферах и дискурсах, осуществляя легитимацию эмоций в тех областях, которым ранее было не присуще обращение к чувственной и эмоциональной стороне (наука, экономика, административная сфера и т.д.) [13, 15, 21]. Эмоции широко задействуются в средствах массовой коммуникации, являются важными агентами и создателями эмоций [14, 17, 24]. Эмоциональный поворот наблюдается даже в традиционно серьезных новостных жанрах (*hard news*), где эмоции работают в тандеме со стратегическим ритуалом объективности [24, с. 19; 25, с. 79].

Таким образом, коммуникативное пространство, в котором оказывается современный человек, помещает его в эпицентр позитивных и негативных чувств. Исследователи отмечают, что распространение социальных медиа активизирует публичную демонстрацию эмоций и личных, часто интимных переживаний [4, с. 149]. В результате в силу вступают «новые аксиомы речевого поведения; формируется новый тип дискурса, который получил название дискурс новой чувствительности» [там же, с. 147].

В исследованиях, посвященных феномену усиления эмоциональной чувствительности в коммуникативных, общественных и культурных практиках, наблюдается вариативность терминов. Так, термин *эмоционализация* используется «для обозначения интенсификации и легитимации эмоций и эмоционального дискурса в общественных сферах жизни» [23, с. 596]. Н.Н. Кошкарлова и Е.М. Яковлева полагают, что термин чувствительность следует относить к предметной области психологии и философии [4, с. 149]. Так, в психологии *чувствительность* трактуется как «характерологическая особенность человека, способность его ощущать, различать и реагировать на внешние раздражители» [8]. В философии чувствительность определяется как «склонность к трогательным ощущениям и представлениям, склонность сопровождать каждое переживание избытком чувств» [10]. В лингвистическом плане авторы считают более корректным оперировать понятием *эмоциональность*. В таком случае более логичным исследователям видится термин *дискурс новой эмоциональности*, который трактуется как «модусный компонент высказывания, когда задается такая эмоциональная модель общения, при которой главным становится выражение чувств и эмоций индивида, а целью коммуникативных практик является формирование агрессивной и чувствительной информационной среды» [4, с. 148].

М. Эпштейн, отмечая усиление «эмоционального голода» в XXI веке, пишет, что чувства приобрели многосложность, обозначившую интеллектуальную усталость предыдущего века. Фантастические изыски, драматическое напряжение и бьющую через край энергию постмодернизма сменила *сентиментальность*: «Все громкое будет нас раздражать: взрывы гнева, взрывы хохота. Восстание масс, о котором пророчил Ортега-и-Гассет, подойдет к концу, а с ним завершится эстетика революции и карнавала. Люди станут вслушиваться в себя и, быть может, даже услышат голоса ангелов. Уголками носовых платков они будут оттирать слезы невинных младенцев»⁵. Автор рассматривает сентиментальность и чувствительность как тождественные понятия: «сентиментальность, собственно, и значит чувствительность», общей семьей которых можно определить «чувствительность к чужому страданию» [там же]. К. МакУильям определяет сентиментальность

⁵ Эпштейн М. О новой сентиментальности. URL: https://www.emory.edu/INTELNET/es_new_sentimentality.html (дата обращения: 16.12.2022).

медиа как использование аффекта для манипулирования аудиторией с целью получения «нежных» эмоциональных реакций [25, с. 81].

Исходя из результатов анализа коммуникативного пространства телерадиовещания, мы полагаем, что целесообразно говорить о коммуникативных стратегиях «новой искренности», одной из которых является стратегия чувствительности. Она проявляется в фокусе не столько на событиях и фактах действительности, сколько на травмирующих событиях, страданиях другого, внимании к внутреннему миру говорящего, к личным и чужим переживаниям [2, с. 18].

Социальные медиа вносят значимый вклад в формирование определенных моно-состояний пользователя, которые способствуют деформации мировосприятия, конструированию психологических доминант, служащих субститутами целостной картины мира. Гипертрофированная чувствительность трансформирует область смыслов в чувственную сферу [11, с. 279]. Нарративы, отдельные высказывания и комментарии о личных и чужих проблемах, переживаниях и недугах в социальных медиа становятся закономерностью, создающей единую текстовую систему. Согласно наблюдениям исследователей, общая тенденция к толерантности, повышенной чувствительности к переживаниям и травмирующим событиям привела к «психотерапевтическому повороту к пониманию чувств»⁶. Разные жизненные, эмоциональные ситуации, описываемые с помощью терминов психотерапии, демонстрируют описание тонких оттенков эмоций: *абыюз, буллинг, токсичные отношения, личные границы, обесценивание, травма* и т.д. Как отмечает культуролог Ю. Сапрыкин, этот «новый язык чувств» и есть «новая чувствительность» [там же].

Телевидение и радио чутко реагируют на новые социальные практики и внедряют их в качестве особых коммуникативных инструментов с разнообразным функционалом. В первую очередь новая чувствительность и искренность трансформируют жанрово-тематический профиль медиадискурса, макроструктуру медиатекста.

«Новая искренность» и чувствительность в коммуникативном пространстве телевидения и радио: жанры, макроструктура

В телепространстве в начале 2000х стержневыми темами жанров социальных ток-шоу, интервью были «успех», «достижения». Спектр тем, освещаемых в социальных ток-шоу, составляли так называемые «навязчивые темы» (проблемы, которые население считает значимыми [16, с. 179]: жизнь звезд, пластические операции, сенсации.

В последние годы в телерадиопространстве существует выраженный тренд психологизации. Значительно расширяется репертуар тем «тревожность», «психологические проблемы», «страдания», репрезентирующих особую медиакартину мира. Медиа сфера становится пространством репрезентации травматического опыта и трансляции решений травмирующих ситуаций в жизни ведущего и слушателя, которые выступают как чувствительная личность. Общий объем понятия *травма* включает несколько видов травм: физическая (нарушение анатомической целостности), психическая (опыт сильного эмоционального страдания) и социальная (деструктивное воздействие на социальное тело) [1, с. 7], культурная (драматичная утрата идентичности и смысла, прореха в ткани общества, которая воздействует на группу людей, достигших определенной степени сплоченности [там же]). В рамках предметно-тематического поля теледискурса оказываются разного рода травмы, нарушения, зависимости (компьютерная, сахарная, эмоциональная и т.д.), разрушающие здоровье, эмоциональное состояние и привычный уклад жизни человека. Так, в телепространстве ядерными темами социально-психологического ток-шоу становятся навязчивые состояния, зависимости, нарушение личных границ, которые репрезентируются через личные истории людей. Жанр *документальный сериал* формирует пространство для предметно-тематического ряда: «любовь», «измены», «одиночество», «проблемы родителей и детей», «приемные дети», «несправедливо разделенное наследство» и т.д.

⁶ Сапрыкин Ю. Новая чувствительность. Как выжить в мире обиженных и оскорбленных? URL: <https://republic.ru/posts/94181> (дата обращения: 11.06.2022).

Познавательные информационные жанры *документальный фильм, арт-истории, телепортрет* все чаще репрезентируют культурные травмы социума – война, геноцид – через историю, события отдельного человека. Структурно-содержательная схема этих жанров не просто фокусирует хронологию и спектр событий прошлого, фиксируя их в архивных документах, нарративах институциональных акторов (историков, культурологов и т.д.), как это было характерно для теледискурса конца XX – начала XXI вв. Эмоционально нарративы свидетелей карательных, военных операций и их потомков репрезентируют травмирующие события социума [5, с. 99–100], что используется как особый прием, когда с готовностью и откровенностью рассказывается о том, о чем ранее принято было умалчивать. Повествование о травмирующем событии конструируется на основе комбинации проверенных объективных (архивных) данных и тематических блоков, освещающих травмирующий опыт и эмоциональные переживания свидетелей и участников:

По воспоминаниям сына суббота 21 июня была достаточно веселой. Показывали кино, везде играла музыка. Но отец пришел домой поздно. Был каким-то задумчивым, тревожным что ли. Как будто предчувствовал что-то. (изображение плана крепости, фотографии довоенной крепости) Крепость оказалась блокированной. Чтобы выйти из центрального нужно перейти через реку. Мост соединял мост и Кобринское укрепление. Затем была дорога, а это уже выход из крепости («Брест. Герои форпоста». Часть 4)⁷.

Чувствительность становится коммуникативной стратегией, которая нацелена на вчувствование, создание эмоционального образа исторической реальности для проживания ее адресатом, чтобы устранить определенный разрыв, дистанцию смыслов между поколениями, реальностью и прошлым.

Таким образом, на глазах у зрителя в различных дискурсах (лично-ориентированном и институциональном) соединяется рациональное знание (трансляторы – профессиональные психологи, медики и т.д., комментирующие личную историю или сюжет) и житейское (истории гостей, невидимого гостя, разыгрываемые житейские драмы). Репрезентация субъективно-личностной, эмоциональной картины мира в комбинации с научной обеспечивает пересечение разных типов дискурсов с целью привлечения внимания, а также «канализирует» посткоммуникативные действия адресата. Как отмечает психолог В. Леонова, «диагноз стал нашим способом понимать себя и мир вокруг»⁸. Зритель смотрит передачи о токсичности, синдроме дефицита внимания, «и думает: О, так это ж про меня». Получив «объяснение» своим переживаниям в виде диагностической категории, человек удовлетворяется и в дальнейшем использует диагноз для легитимизации своего состояния и поведения» [там же].

В радиопространстве тренды психологизма и чувствительности облекаются в жанр *совет психолога*, в модификацию жанров *радиобеседа, интервью*. Рамка вокруг идей и смыслов чувствительности, психологизма направлена на реализацию не только информативной, познавательной и аттрактивной функций, но и регулирующей функции. Развертывание содержательно-тематических блоков чувствительности нацелено на то, чтобы предоставить адресату алгоритм действий в сложной ситуации или кризисный период.

Макроструктурные блоки, содержащие откровенные признания, рефлексии (самоанализ, самооценка, «взгляд внутрь себя») говорящего, в том числе эмоциональную рефлексии, описание травмирующих ситуаций, преимущественно локализируются в обрамляющих макроструктурных частях текстов интервью, беседы, портретный очерк (введение, рассказ, подведение итогов) или (зафиксировано в 15%) используются в качестве аффективного и аттрактивного компонента:

Ведущая: Аляксей, скажы калі ласка, з якім настроем ішоу да нас? Не паспелі сапсаваць? ... Будзем выведваць усе таямніцы твайго жыцця. Раскажы пра сябе. ... Гость: Кто тебе сказал, что па-

⁷ Источник <https://www.youtube.com/watch?v=Y9gX6qBOGW4> (дата обращения: 18.10.2022)

⁸ Леонова К. Что такое «новая искренность» в интернете и как она изменила нашу жизнь // Стиль. URL: <https://style.rbc.ru/life/5b5997489a7947356f7d36f6> (дата обращения: 10.12.2022).

лочки (барабанные) я стянул? Ну это так и было, просто кто меня спалил? Ведущая: Я проста так лягнула.... Гость: Это темная страница из моей истории. Я сейчас в прямом эфире буду перед папой извиняться («Ближе к звездам», Радио Столица, 29.06.2020)⁹.

Заметим, что ответы респондентов на лично ориентированные вопросы выделяются просодически. Просодической характеристикой становится ускорение темпа, демонстрирующее энтузиазм, интерес говорящего относительно предмета сообщения, преобладание нисходящего тона, призванного обеспечить уверенность и большую выделенность высказывания. Контрастным выглядит просодическое оформление иных высказываний, не нацеленных на описание личной сферы: медленный или умеренно средний темп речи, позволяющий говорящему продумать сказанное, восходящий тон.

«Новая искренность» в диалогических жанрах теле-, радиодискурса

Тенденции «новой искренности» и чувствительности модифицируют тематический диапазон жанров *интервью* и *беседа*. Так, их типичная тематическая модель в XX – начале XXI вв. была ограничена темами: «профессиональная деятельность», «(авто)биографические сведения», «отношение к деятельности/творчеству, людям», «свободное время, хобби», «общефилософские вопросы», «характер интервьюируемого». В последние годы важная роль эмоционально маркированных и лично ориентированных компонентов текста отражается в расширении набора востребованных тем: «личная жизнь», «личные и профессиональные неурядицы, проблемы», «образ жизни», «отношение к общественным событиям». Такая тематическая палитра демонстрирует внимание и уважение к чужим эмоциям, переживаниям, эмпатии, значимость открыто выраженного мнения и оценки, например:

Ведущая: *В разгар карьеры ты исчезаешь.* Гость: *Да, проблема-то тянулась давно, и как человек больной, как зависимый человек, я пытался контролировать, скрывать все..., потом, когда это все вскрылось, знаете, обещать. ... Ты думаешь, что ты маленький гаврош такой, думал, у меня все будет по-другому. ... Я потерял любимое дело вначале, все мои мечты, это все воплощалось. Я мечтал об этом, я радовался этому всему. Но получается зависимость все забрала это («Пакаленне.ВУ», А. Хацяновіч, Радио Столица, 06.06.2018)¹⁰;*

Предательство – вот есть понятие проституции. Куда позвали, где повкуснее, туда и побежали. Когда у человека сформированы четкие принципы, а сам ни на что не способен. Куда ты годен? («Герои нашего времени», Альфа радио, Никифорова)¹¹.

Благодаря медиа возможность видеть переживания и травмирующие события другого стала весьма доступной. При этом интерес к негативным событиям направлен как на формирование эмпатии, толерантности, так и на удовлетворение интереса аудитории к страданиям других с целью эскапизма (ухода от реальности), отождествления себя с другим («я такой же, как и герой»).

Жанры *интервью*, *портретный очерк* становятся важным коммуникативным инструментом, который не столько позволяет раскрыть образ героя, сколько предлагает аудитории готовые шаблоны восприятия и переживания сложных, травмирующих профессиональных, жизненных событий. Прагматической установкой демонстрации таких событий является не столько стремление поделиться болью, излить свои чувства, сколько формирование драматургичности текста зачастую на базе конфликта нормы и антинормы и моделирование мировоззрения и поведения адресата:

Гость: *Я начал принимать разные наркотики. Социально, духовно ты начинаешь падать. ... Мне было постоянно плохо, потерял друзей. Вот это дно стало каким-то стартом, когда вот ты находишься в мучении, тебе постоянно плохо, только тогда я задумался о выходе. ... Я попал в наркологическое отделение ... я начал просить помощи. ... Вышел я продержался где-то неделю... я*

⁹ Источник Радио Столица <https://radiostalica.by/archive/liniya-sudby/> (дата обращения: 15.10.2022)

¹⁰ Источник Радио Столица <https://radiostalica.by/archive/liniya-sudby/> (дата обращения: 15.10.2022)

¹¹ Источник Альфа Радио <https://alfaradio.by/program/1423209/> (дата обращения: 10.02.2022)

опять лег. *Теперь я помогаю таким же, как и я* («Пакаленне.ВУ», А. Хацяновіч, Радио Столица, 06.06.2018)¹².

На первый план выносятся не столько событие, сколько такие составляющие дискурса, как: непосредственно виктимная (герой предстает как жертва), эмоциональная (детальное описание страданий, последствий травмирующего события) и морально-этическая (помощь другим). В таком случае явно прослеживается связь чувственной составляющей жизни героя с социальным контекстом. Такие распространенные нарративы, транслирующие конкретные видения, схемы и модели поведения «не сдаваться, бороться», «борьба с жизненными трудностями – победа», в которых предстают явления жизни актора, призваны создавать ментальную основу для формирования модели мира и поведения адресата.

Посредством соединения концептов «я-профессионал» и «я-человек» раскрываются не только характеристики героя передачи, но и реализуется ее целевая установка – формирование конкретного отношения и мнения слушателя в кризисной ситуации:

Автор: *Алексей, ты представляешь нашу сборную на Параолимпийских Играх. С каким настроением ты туда едешь, особенно если учесть, что неожиданный подарок вы с супругой получили дома, вернее перед дверями ... когда обнаружили свадебное платье и лежащую на ней красную сумку. Что это была за попытка? Запугать, либо это угроза?* Герой: *Мы распереживались немножечко, но, взяв себя в руки, поняли, что мы семья. Мы понимали, на что мы шли, и что такие события ожидают нас в будущем* («Герои нашего времени», Альфа радио, А. Талай)¹³.

Так, через мнение, оценку, эмоции и травмирующие ситуации из личной и профессиональной жизни героя оказывается прагматическое и перлокутивное воздействие на аудиторию и, в целом, на реализацию конкретных идеологических целей. Отметим при этом незначительную представленность эмотивной, эмоционально-оценочной лексики, которая считается ведущей эмоциональной движущей силой текста. Эмоционализация, чувствительность (эмпатия) формируются за счет нагнетания палитры эмоций посредством таких референтов речевого сообщения, как: события, действия, не соответствующие моральным, этическим нормам.

Направление «новой искренности» демонстрирует не только внимание, но и терпимость к чужим взглядам, позициям, что воплощается в заботу о других, в потребность «поступать так, чтобы твои наибольшие способности служили наибольшим потребностям других»¹⁴. В медиакоммуникации этический компонент выдвигается в фокус внимания в рамках жанра интервью с известными людьми, государственными чиновниками. Устойчивый характер в рамках информационного дискурса приобретает тема «помощь другим», которая соединяется с тематикой достижений и успехов интервьюируемого. В одних случаях она становится стержневой тематической доминантой жанра – в этом случае гость рассказывает не только о себе, сколько о своей помощи другим людям в различных сферах:

Мая госьця – маці 5 дзяцей. Здавалася б, усе жыццё прысвечана сям'і. Тым не менш яна заснавала дабрачынную ўстанову («Лінія лесу», Радио Столица, В. Фелистович).

Вітаю! Самы час познаеміцца з сёняшняй госьцяй. Яна з дзяцінства захаплялася творчасцю. Праўда адразу здзейсніць мары не ўдалося («Лінія лесу», Радио Столица, Н. Ляванова)¹⁵.

В других случаях этическая тематика является рекуррентной, появляется как тематическая вставка, призванная сообщить дополнительную информацию о герое, реализуя тем самым дополнительную содержательную линию. Так, герой интервью начальник главного управления идеологической работы раскрывается не только с профессиональной стороны, но и как чуткий, морально ответственный человек:

¹² Источник Радио Столица <https://radiostolica.by/archive/liniya-sudby/> (дата обращения: 15.10.2022)

¹³ Источник Альфа Радио <https://alfaradio.by/program/1423209/> (дата обращения: 10.02.2022)

¹⁴ Эпштейн М. О новой сентиментальности. URL: https://www.emory.edu/INTELNET/es_new_sentimentality.html (дата обращения: 16.12.2022).

¹⁵ Источник Радио Столица <https://radiostolica.by/archive/liniya-sudby/> (дата обращения: 15.09.2022)

Стою возле светофора и вижу по дороге идёт женщина. Обычная сельская женщина с сумкой, просто одета, и она плачет, очень сильно плачет. Никто не подходит. ... к одному из проходящих мимо граждан она обратилась или попросила у него деньги. Я слышала, что она говорит мне нужно там два рубля. Человек отмахнулся, прошел дальше ... Она подошла ко мне. Я вижу, что она искренняя. ... Я ей дала деньги. Помочь всегда можно, особенно когда человек подходит к тебе. Ты никакого подвига не совершил («Герои нашего времени», Альфа радио, О. Чемоданова)¹⁶.

В обоих случаях подтемы подчинены главной целеустановке текста – трансляции и ненавязчивого внедрения ценностной системы, участвуют в детализации и насыщении образа героя не только как представителя власти, но как обычного человека.

«Новая искренность» и чувствительность в информационном медиадискурсе

В последние годы заметно возросла роль чувствительности в информационном (новостном) медиадискурсе. Конститутивной особенностью новостных жанров является «стремление к простой фиксации реальности» [9], непосредственная соотнесенность с «референциальной составляющей означаемого, минимально искаженное коннотационными «помехами» отображение предмета» [12, с. 199]. Вместе с тем влияние социокультурных практик, в частности, направления «новой искренности», определяет трансформацию тематического ландшафта и семиотических ресурсов освещения событий в информационном телерадиопространстве.

Как известно, в XXI веке инфотейнмент как способ подачи информации в развлекательной форме существенно модифицировал структуру, жанровую, тематическую и языковую конфигурацию медиатекста. Развлекательный, эмоциональный факторы особенно явно прослеживаются в новостных «human interest stories», которые сообщают о событиях, призванных вызывать самый широкий спектр эмоций, например, сюжеты о забавном поведении попугая, медвежонка в зоопарке и т.д. Так, каждый новостной теле- и радиовыпуск завершался такой историей.

Реализация дискурсивных возможностей новой чувствительности, которая демократизирует информационную функцию, побуждает адресата относиться к любому переживанию, чувству и личной истории с уважением и сверхвниманием. Это получает отражение в расширении тематического диапазона рекреативных новостных сообщений за счет историй, освещающих страдания, травмы и помощь другому в сложных ситуациях, например:

(новость 1) *Шчанук з’явіўся ў пітомніке. ... Яму патрэбна прайсці рэабілітацыю каб супакоіцца пасля ўсіх перанесеных выпрабаванняў і зноу навучыцца давяраць людзям. Але нашчасце ёсць у нашым свеце добрыя людзі. Як толькі пра пакуты кінутага сабаку з’явілася наведанне ў сацыяльных сетках, намала неабякавых людзей выказалі жаданне ўзяць небараку ў свой дом.* (новость 2) *Нашэсце белых медзвездзяў цяпер перажываюць у Чукотцы* («Ну і дзянек», Радио Столица, 12.10.2022)¹⁷.

Смысловое содержание тематической доминанты ‘преступления, происшествия’ в теледискурсе реализуется не только с фокусом на ироническую, развлекательную составляющую (наиболее типично для передач до 2020 г.), но и на компонент чувствительности. Текстовую ткань составляют детали страданий, переживаний, которые схватывают жизненный момент героя:

(ведущий) *Забьют тревогу соседи. На весь подъезд разрывается ребенок. Когда откроют дверь, ... на пороге мужчина, руки в крови и остриженная наголоу 10 летняя девочка.* (запись звонка в милицию) *Там ребенок плачет, разрывается на весь подъезд. Папа, пожалуйста, не надо.* (девочка) *Он вначале меня ножом обрезал, а потом побрил. ... Кровь с руки попала мне на ноги.* (психолог) *Всегда тяжело смотреть такие материалы* («Тревожная кнопка», 15.07.22)¹⁸.

Содержательную ось сообщения организуют четко выделенные вербальные и невербальные акценты: повторение ключевых, эмоционально насыщенных лексем: *разрывается, плачет, плачущая, кровь*, повторяющиеся видеокадры плачущей девочки, спокойного, невозмутимого отца.

¹⁶ Источник Альфа Радио <https://alfaradio.by/program/1423209/> (дата обращения: 10.02.2022)

¹⁷ Источник Радио Столица <https://radiostolica.by/archive/liniya-sudby/> (дата обращения: 10.10.2022)

¹⁸ Источник <https://ont.by/programs/tk> (дата обращения: 23.11.2022)

Эмоционально ориентированные блоки, передающие эмоциональное состояние героя, за счет постоянно повторения замыкают текстовое пространство на идее страдания, травмы.

Особенностью «новой искренности» является ее максимальное тиражирование как стратегии убеждающего воздействия в кризисный период, когда существует необходимость мобилизации и сплочения общества, формирования позитивной эмоциональной атмосферы.

В кризисный период в коммуникативном пространстве телевидения активизируются концепты искренности: «откровенность», «честность», «правда». Они манифестируются лексемами-маяками в гетеронимах (названиях передач): «В режиме правды», «Нечестные люди», а также в подводке и описании передач, зачастую используя оппозиционные концепты «нечестность», «ложь», «лицемерие»:

*Говорим сегодня о лицемерии и двойных стандартах во всей красе («В режиме правды», 23.03.2022)*¹⁹.

Эти ясно выраженные сигналы заставляют аудиторию воспринимать ключевые идеи медиатекста в едином русле, отсекая возможную множественность интерпретаций.

Необходимость новых инструментов, которые позволяют ацентировать откровенность, искренность в медиапространстве, порождает трансформацию информационно-аналитических жанров. Жанры *обзор, комментарий* модифицируются в жанр *разоблачение*, доминантой которого становится публичное раскрытие скрытых мотивов, фейков, заговоров и т.д. Трансформации подвергается одна из важнейших категорий медиатекста – автор. Автор исследуемого жанра – коллективный, представлен не журналистами, а, как их описывают создатели передачи, «людьми из народа»: музыкант, предприниматель, блогер и т.д., желающими откровенно высказать свое мнение, поделиться фактами, раскрыть правду о нечестных действиях. Соответственно, в условиях медиареальности инструментом, призванным оказывать коммуникативно-прагматическое воздействие, оказывается не только язык, который предстает средством выражения преобразованных образов, но также и категория автора. Она является своего рода усилителем речевого и визуального воздействия, апеллируя к подсознанию. Представители народа получают слово в телепространстве с целью повышения доверия сообщению, аргументированного представления точек зрения различных представителей общества. При этом основная функция категории автора остается неизменной – выражение социальной позиции.

В текстовом пространстве создается особая содержательно-смысловая и формальная связность структуры, при которой разные события, факты, мнения выстраиваются в единую тематическую цепочку. Макроструктура представлена повторяющимся однотипным кластером блоков (помимо вводного и завершающего), построенного на оппозиции «свои – чужие»: *действие чужих (осуждаемого объекта) – действие своих – комментарий-пояснение или установление мотивов действия чужих, контекста события – оценка*. Например:

(действие чужих) *Альянс создан в 49 году. Маска – коллективная оборона. На деле, и теперь это видят все, – защита Европы от влияния России и стран постсоветского пространства. И вот здесь уже диссонанс. (действие своих) Это Советский Союз освободил мир от фашизма, дал Европе свободу от нацистского рабства. (пояснение или установление мотивов действия чужих) Но недобитые приверженцы идей рейха разбежавшиеся по всей планете, пытаются писать совершенно иную историю. ... Изначально в НАТО вошли 12 стран, сегодня в ее членстве уже состоят 30. И еще десятки участвуют в разных партнерских программах. Озвученные ими заверения о не расширении на Восток, заменили свежими, мол, НАТО, расширяясь, сдерживает Россию («В режиме правды», 23.03.2022)*²⁰.

Объяснение того, что выходит за рамки нормального, обычного за счет контраста и интерпретации нацелено на формирование смысловых отношений между хаосом и порядком в жизни общества, которое получает наименование.

¹⁹ Источник Белтелерадиокомпания <https://www.tvr.by/televidenie/belarus-1/proekti-belarus-1/v-rezhime-pravdy/> (дата обращения: 23.11.2022)

²⁰ Источник Белтелерадиокомпания <https://www.tvr.by/televidenie/belarus-1/proekti-belarus-1/v-rezhime-pravdy/> (дата обращения: 23.11.2022)

Повествовательная модель, по которой строится текст, составлена монтажом высказываний различного характера, объединенных в смысловом отношении: отдельных высказываний политических лидеров, высказываний, содержащих статистические данные, сведения из архивных документов, прецедентных высказываний (*Наше главное богатство — это люди; Кадры решают все*), оценочных суждений. В совокупности они призваны акцентировать и реализовать декларируемую интенцию субъекта коммуникативной деятельности — правдивость. Объединение в единое целое различных по своей природе событий и сведений, транслируемых различными нарраторами, призвано способствовать формированию ощущения достоверности, демонстрации собственного мнения авторов, основанного на фактуальной информации. Это призвано отсеять от анализа иные возможные точки зрения. Естественность и открытость ситуации общения активизируется также за счет видеоряда — не приукрашенный интерьер, темный фон, ведущий в окружении камер и аппаратуры.

«Новая искренность» используется в целях идеологического воздействия. Важное значение в кризисной ситуации получает персонализация ее субъектов. Презентация действительности в новостном тексте смещается с апелляции к неизвестным правительственным источникам к обращению к конкретным лицам. В этом случае стратегия формирования позитивной эмоциональной атмосферы реализуется посредством тактики *личной истории*. Она выражается жизненной историей человека (социального актора), которая подтверждает высказанную автором мысль. Интервью участников события, пострадавших, очевидцев репрезентируется крупным планом, фоном которого становятся предметы, связанные с темой сообщения (больничная палата, медицинское оборудование в период пандемии, пустые магазины во время продовольственного кризиса и т.д.). Основное назначение вербальных и визуальных репрезентаций социальных акторов в таком случае заключается не столько в их изображении, сколько в ассоциировании зрителя с актором.

Так, история одного заболевшего, но успешно излечившегося пациента представлена на фоне обыденных для каждого зрителя локаций (подъезд, двор жилого дома, детская площадка). Это помогает автору передать идею ‘с каждым такое может случиться, но, как и в этом случае, все хорошо закончится’. При этом через личную историю, опыт и мнение героя транслируется призыв к определенным действиям, например:

Выходя из палаты, наш герой признался, что переживает только за неправильную реакцию на выздоровевших. (герой эпизода) А бояться нас не стоит, потому что врачи сказали, что вырабатываются антитела, которые способствуют разрушению вируса, плюс ко всему прочему, она говорила, что в эпителии могут сохраняться мертвые клетки вируса, которые не могут, ну не могут развиваться у другого человека («Панорама», 13.04.2020)²¹.

Эффект искренности создается, когда с желанием повествуется о том, о том, что скрыто от адресата в следствие пространственной отдаленности. В первом случае адресантом, открыто выражающим личную историю и мнение становится житель другой страны, рассказывающий о сложных условиях жизни «там» (для адресата), сопоставляющий их с благоприятными условиями «здесь» (для адресата). Личный опыт и переживания направлены на то, чтобы задать конкретный способ оценки и эмоционального восприятия событий и пространства.

Стратегия «новой искренности» в белорусских радиоинтервью выступает как важный коммуникативный инструмент привлечения внимания и вовлечения слушателя:

*Сегодня в нашей программе психолог из Риги, этническая белоруска. Она приехала в Беларусь для того, чтобы **рассказать правду** о том, как живут этнические белорусы в странах Прибалтики. И почему она решила бросить все, для того, чтобы отстаивать позицию белорусов в современном обществе. Она стала соавтором книги *Орден иуды...* Она пишет колонки для *Минской правды*. Она пришла к нам на радио для того, чтобы **поделиться своей историей*** («Герои нашего времени», Альфа Радио, К. Дзидзидина)²².

²¹ Источник <https://www.youtube.com/watch?v=aBOIfykkFaE> (дата обращения: 16.09.2022)

²² Источник Альфа Радио <https://alfaradio.by/program/1423209/> (дата обращения: 10.02.2022)

Коммуникативный фокус смещается на искренность, получая языковую репрезентацию в ее базовых концептах: 'публичная откровенность' или открытость, 'правда'.

Заключение

Насыщенность медиатекстов эмоционально- и личностно ориентированными темами и концептами приводит к изменению статуса искренности и чувствительности с периферийных феноменов на дискурсообразующие, используемые с целью синтетического осмысления действительности. Чувствительность и публичная откровенность становятся значимыми коммуникативными стратегиями медиадискурса, что, на наш взгляд, обусловлено поисками медиа новых ненавязчивых, латентных инструментов воздействия. При этом ядром дискурса чувствительности становится не эмоциональность как категория, имеющая конкретные языковые маркеры, а намеренное, осознанное включение автором микро-нарративов, демонстрирующих человеческие ценности, индивидуальность, чувствительность, обыденную жизнь, которые легитимизируют чувствительность и публичную откровенность в информационном дискурсе, для которого обращение к ним считается нехарактерным. Чувствительность и искренность модифицируют жанры медиадискурса, расширяют тематический репертуар, когда темы общего характера (творчество, профессиональная деятельность) дополняются личностно ориентированными, фокусирующими внимание к внутреннему миру человека, чувствительность к личным и чужим переживаниям; трансформируют категорию автора медиатекста – общественные и социальные акторы медиадискурса уступают место обычному человеку с его переживаниями, эмоциями и тревогами.

Исследование прагматики искренности, чувствительности создает значимую исследовательскую перспективу в анализе новых коммуникативных инструментов воздействия в медиакommunikации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Айерман Р.** Культурная травма и коллективная память // Новое литературное обозрение. 5 (16). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/141_nlo_5_2016/article/12171/ (дата обращения: 10.12.2022).
2. **Демшина А.Ю.** Чувствительность как категория современной цифровой культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2021. № 3 (48). С. 18–24.
3. **Иссерс О.С.** Грани «новой искренности» в современной политической коммуникации // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 6: Журналистика. С. 216–227. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227
4. **Кошкарлова Н.Н.** Дискурс новой эмоциональности: коммуникативные практики цифровой реальности / Н.Н. Кошкарлова, Е.М. Яковлева // Политическая лингвистика. 2019. № 5 (77). С. 147–152. DOI: 10.26170/119-05-15
5. **Оводова С.Н., Жигунов А.Ю.** Метамодернистский медиадискурс в современной культуре: от глобального молчания к глубокой искренности // Вестник Омского университета. 2020. Т. 25, № 4. С. 94–101. DOI: 10.24147/1812-3996.2020.25(4)
6. **Орехов К.А., Пятилетова Л.В.** Человек в «обществе переживаний»: из «старого» общества в «новое» // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 2. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2017/02/78716> (дата обращения: 11.04.2021).
7. Словарь терминов московской концептуальной школы / Сост. А. Монастырский. М.: Ad Marginem, 1999.
8. Сенситивность, чувствительность в психологии // Психологос. URL: <https://psychologos.ru/articles/view/sensitivnostzpt-chuvstvitelnost-v-psihologii> (дата обращения: 15.08.2022).
9. **Тертычный А.А.** Жанры периодической печати. URL: <http://www.evartist.narod.ru/text2/01.htm> (дата обращения: 15.08.2022).

10. **Философский энциклопедический словарь.** URL: <http://www.rubricon.com/qe.asp?qttype=3&ii=390&id=390&rq=0&sletter=%u0427&onlyname=checked&newwind=&psize=10&pn=3&slid=1> (дата обращения: 16.12.2022).
11. **Фортуатов А.Н., Воскресенская Н.Г.** Цифровые компетенции и технологии новой искренности в эпоху Web 4.0 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 2. С. 276–285. DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-2-276-285 (дата обращения: 16.12.2022).
12. **Ширяева О.В.** Информационно-аналитический медиадискурс как предмет коммуникативно-дискурсивного исследования // Медиаскоп. Вып. № 4. 2012. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1218> (дата обращения: 16.12.2022).
13. **Ahmed S.** *The Cultural Politics of Emotion*, Routledge, 2014.
14. **Han B.Ch.** *Psychopolitics: Neoliberalism and New Technologies of Power*, London: Verso, 2017.
15. **Lerner L., Rivkin-Fish M.** On emotionalisation of public domains // *Emotions and Society*. 3 (1) 2021, 1–11. DOI: 10.1332/263169021X16149420145743
16. **McCombs M.E., Shaw D.L.** The agenda setting function of the mass media // *Public Opinion Quarterly*, 36 (1972), 176–187.
17. **Malinowska A., Miller T.** Sensitive Media // *Open Cultural Studies*, vol. 1, no. 1, 2017, 660–665. DOI: 10.1515/culture-2017-0060
18. **Rutten E.** *Sincerity after communism: a cultural history*. New Haven: Yale University Press, 2017, 9–10.
19. **Schulze G.** *Erlebnisgesellschaft: Kultursoziologie der Gegenwart*. Campus Verlag, Frankfurt/New York, 2005.
20. **Schulte P.** How the new sincerity can make caring cool again. URL: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:xQp4VJ4Jx2sJ:https://kindling.xyz/futures/new-sincerity/&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=by> (дата обращения: 16.06.2022).
21. **Sieben B., Wettergren A.** *Emotionalizing Organizations and Organizing Emotions*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010.
22. **Timmer N.** *Do You Feel It Too?: The Post-Postmodern Syndrome in American Fiction at the Turn of the Millennium*. (Postmodern Studies). Amsterdam, New York, Rodopi, 2010.
23. **Zappettini F., Ponton D.M., Larina T.V.** Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda. *Russian Journal of Linguistics*, 2021, Vol. 25, № 3, 586–610. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610
24. **Wahl-Jorgensen K.** An emotional turn in journalism studies? // *Digital Journalism*, 2020, 8 (2), 175–194.
25. **McWilliam K., Bickle Sh.** Digital storytelling and the ‘problem’ of sentimentality // *Media International Australia*, 2017, 165 (1) 77–89. DOI: 10.1177/1329878X17726626

REFERENCES

- [1] **R. Eyerman**, *Kul'turnaya travma i kollektivnaya pamyat'*, [Cultural Trauma and Collective Memory, Cultural Trauma], *Slavery and the Formation of African American Identity*, Cambridge: Cambridge University Press, 2001, 1–22. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/141_nlo_5_2016/article/12171/ (accessed 10.12.2022).
- [2] **A.Yu. Demshina**, *Chuvstvitel'nost' kak kategoriya sovremennoy tsifrovoy kul'tury* [Sensitivity as a category of modern digital culture], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 3 (48) (2021) 18–24.
- [3] **O.S. Issers**, *Grani «novoy iskrennosti» v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii* [Dimensions of a “New Sincerity” in Modern Political Communication], *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 6: Journalism, pp. 216–227. (in Russ.) DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227
- [4] **N.N. Koshkarova**, *Diskurs novoy emotsional'nosti: kommunikativnyye praktiki tsifrovoy real'nosti* [Discourse of new emotionality: communicative practices of digital reality], *Political Linguistics*. 5 (77) (2019) 147–152. DOI: 10.26170/119-05-15
- [5] **S.N. Ovodova, A.Yu. Zhigunov**, *Metamodernistskiy mediadiskurs v sovremennoy kul'ture: ot global'nogo molchaniya k glubokoy iskrennosti* [Metamodernist media discourse in modern culture: from global silence to deep sincerity]

from global silence to deep sincerity], *Vestnik Omskogo universiteta*. Issue 25, 4 (2020) 94–101. DOI: 10.24147/1812-3996.2020.25(4)

[6] **K.A. Orekhov, L.V. Pyatiletova**, Chelovek v «obshchestve perezhivaniy»: iz «starogo» obshchestva v «novoye» [Man in the "society of experiences": from the "old" society to the "new"], *Modern scientific research and innovation*. 2 (2017). Available at: <http://web.snauka.ru/issues/2017/02/78716> (accessed: 04.11.2021).

[7] Slovar' terminov moskovskoy kontseptual'noy shkoly [Dictionary of terms of Moscow conceptual school]. Comp. by A. Monastyrsky, Moscow: Ad Marginem, 1999.

[8] Sensitivnost', chuvstvitel'nost' v psikhologii [Sensitivity, sensitivity in psychology], *Psychologos*. Available at: <https://psychologos.ru/articles/view/sensitivnostzpt-chuvstvitelnost-v-psihologii> (accessed: 15.08.2022).

[9] **A.A. Tertychny**, Zhanry periodicheskoy pechati [Genres of periodicals]. Available at: <http://www.evartist.narod.ru/text2/01.htm> (accessed: 15.08.2022).

[10] Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Philosophical encyclopedic dictionary]. Available at: <http://www.rubricon.com/qe.asp?qttype=3&ii=390&id=390&rq=0&sletter=%u0427&onlyname=-checked&newwind=&psize=10&pn=3&slid=1> (accessed: 16.12.2022).

[11] **A.N. Fortunatov, N.G. Voskresenskaya**, Tsifrovyye kompetentsii i tekhnologii novoy iskrennosti v epokhu Web 4.0 [Digital competencies and technologies of new sincerity in the Web 4.0 era], *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26 (2) (2021) 276–285. DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-2-276-285

[12] **O.V. Shiryaeva**, Informatsionno-analiticheskiy mediadiskurs kak predmet kommunikativno-diskursivnogo issledovaniya [Information-analytical media discourse as a subject of communicative-discursive research], *Media Stylistics*, 4 (2012). Available at: <http://www.mediascope.ru/node/1218> (accessed: 16.12.2022).

[13] **S. Ahmed**, *The Cultural Politics of Emotion*, Routledge, 2014.

[14] **B.Ch. Han**, *Psychopolitics: Neoliberalism and New Technologies of Power*, London: Verso, 2017.

[15] **L. Lerner, M. Rivkin-Fish**, On emotionalisation of public domains, *Emotions and Society*, 3 (1) 2021 1–11. DOI:10.1332/263169021X16149420145743.

[16] **M.E. McCombs, D.L. Shaw**, The agenda setting function of the mass media, *Public Opinion Quarterly*, 36 (1972) 176–187.

[17] **A. Malinowska, T. Miller**, Sensitive Media, *Open Cultural Studies*, vol. 1 1 (2017) 660–665. DOI: 10.1515/culture-2017-0060

[18] **E. Rutten**, *Sincerity after communism: a cultural history*. New Haven: Yale University Press, 2017, 9–10.

[19] **G. Schulze**, *Erlebnisgesellschaft: Kultursoziologie der Gegenwart*. Campus Verlag, Frankfurt/New York, 2005.

[20] **P. Schulte**, How the new sincerity can make caring cool again. Available at: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:xQp4VJ4Jx2sJ:https://kindling.xyz/futures/new-sincerity/&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=by> (accessed: 16.06.2022).

[21] **B. Sieben, A. Wettergren**, *Emotionalizing, Organizations and Organizing Emotions*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010.

[22] **N. Timmer**, *Do You Feel It Too?: The Post-Postmodern Syndrome in American Fiction at the Turn of the Millennium*. (Postmodern Studies). Amsterdam, New York, Rodopi, 2010.

[23] **F. Zappettini, D.M. Ponton, T.V. Larina**, Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda, *Russian Journal of Linguistics*, . 25 3 (2021) 586–610. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610

[24] **K. Wahl-Jorgensen**, An emotional turn in journalism studies?, *Digital Journalism*, 8 (2) (2020) 175–194.

[25] **K. McWilliam, Sh. Bickle**, Digital storytelling and the 'problem' of sentimentality, *Media International Australia*, 165 (1) (2017) 77–89. DOI: 10.1177/1329878X17726626

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Гладко Марина Александровна

Marina A. Gladko

E-mail: glad_26@tut.by

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5268-960X>

Поступила: 24.11.2022; Одобрена: 28.12.2022; Принята: 30.12.2022.

Submitted: 24.11.2022; Approved: 28.12.2022; Accepted: 30.12.2022.